

27.7.96.

ЮБИЛЕЙ

Жизнь как видение розы...

Смена - С-175 - 1996 -
27 июля - с.8.

Сегодня Марису Лиепе исполнилось бы шестьдесят

ЕГО антиподы и завистники продолжают до сих пор что-то делить в своих мемуарах и с телеэкрана. Сильный и властный, Марис оказался ранимее их, потому что за его бравадой пульсировало сердце, исполненное романтических грез и сказочных иллюзий.

ТАК называемая "творческая всеядность" в последний период его судьбы была иногда лишь проявлением страха перед беспросветностью завтрашнего дня. Он мелочился поневоле, стремясь сохранить свое имя на слуху, а свой пик на виду. Только этим можно объяснить его участие в некоторых киноподелках, балетмейстерский эксперимент в Днепропетровске, выступление в мимической роли Короля в его софийской постановке "Спящей красавицы". Высшие артистические достижения, такие, как Красс в "Спартаке", были уже давно позади. Даже блистательный Хиггинс из те-

левизионной "Галатеи" и Рогожин в эйфмановском "Идиоте" не вернули ему привычного за долгие годы ощущения триумфа. А без него Марис Лиепе просто-напросто не мог дышать. Это реальное предчувствие катастрофы явственно прочитывалось в трагическом адажио на музыку марша из Седьмой симфонии Бетховена, которое он танцевал во Дворце молодежи летом 1981 года в дуэте с Аллой Осипенко.

Терзания балетных звезд, особенно в стремлении продлить свой творческий век, могли бы привлечь драматизмом и Корнеля, и Расина. В самом деле,

сколько славных имен замешано в этой буквально схватке за свое место под солнцем сценических юпитеров! И грустно, и страшно следить за этой борьбой. Если балерина, вчерашняя Аврора и Одетта, еще способна кое-как порхать, поддерживаемая партнером, то танцовщик, изможденный за годы чуть ли не атлетического напряжения, быстро утрачивает форму и должен позаботиться о спасении сердца. Сердце Мариса, хоть и закаленное смолоду плаванием (ведь он даже был чемпионом среди юношей в Латвии), требовало пощады, а он вдруг, уже перевалив сорокалетний рубеж, умудрился осчастливить нуждавшуюся в помощи юную балерину, годившуюся ему в дочери, и... отпраздновал новую свадьбу!

Он не соразмерял реальные способности сердца и шквал проблем, сыпавшихся на него как из рога изобилия. Свою книгу "Хочу танцевать сто лет" Марис нарочно назвал так вызывающе, словно обязывая себя

Он не соразмерял реальные способности сердца и шквал проблем, сыпавшихся на него как из рога изобилия

к продолжению схватки.

Идея вернуться на родину, где прошли его годы ученичества в хореографическом училище у блистательного педагога В. Блинова (а уже потом была Москва и знаменитый класс Н. Тарасова), казалась вполне естественной. Волею судеб место главного балетмейстера в Рижской опере ненадолго осталось вакантным. Артисты жаждали избрания Мариса на балетное царствование. И когда все было договорено и оставалось лишь получить "ключи" в Министерстве культуры, чье-то столичное коварство из дальнего (или, наоборот - ближнего) окружения одним телефонным звонком разрушило готовую связку! Не это ли стало решающим ударом для великого артиста? И, может, Марис предчувствовал свой финал, когда во время прогулки по некрополю Лесного кладбища иронически молвил: "И здесь для меня нет вакантного места". Он задержался у символического каменного изваяния на могиле Райниса - пробуждение юноши, еще не раскрывшего глаза навстречу солнцу. Статуя, созданная резцом скульптора Земдеги, очень напоминает своими чертами Мариса... Увы, Марис Лиепе оказался москвичом и посмертно. Не в Латвию надо ехать, чтобы поклониться его праху. Что такое родина для артиста, поэта? Где она?..

Юрий ОРОХОВАЦКИЙ

Мена Марисе